

Сергей Магомет

ЛИМОНАД

Роман-отклонение

Сергей Магомет

Лимонад. Роман-отклонение

«Издательские решения»

Магомет С.

Лимонад. Роман-отклонение / С. Магомет — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745198-1

Впервые отдельной книгой «Лимонад» эмоционально-яркие, психоаналитического накала и физиологической достоверности ощущения детства.

ISBN 978-5-44-745198-1

© Магомет С.
© Издательские решения

Лимонад

Роман-отклонение

Сергей Магомет

«Недавно гостил я в чудесной стране...»

© Сергей Магомет, 2024

ISBN 978-5-4474-5198-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сначала была камбала. Она казалась замечательнее всего, но, увы, никак не вписывалась в наш Гениальный План.

- К настоящему моменту, Ольга Алексеевна, это уже установлено со всей достоверностью. Это установлено лично мной.
- И поймала-то я его совершенно случайно.
- Это было охотничье ружье за регистрационным номером 26566. Выстрел был произведен из обоих стволов одновременно. То есть дуплетом. Это тоже я установил.
- Ну что мне с ним делать! Такой, товарищ милиционер, гадкий ребенок. Просто отравы жизни.
- Патроны – заводские. Дробь – «нулёвка».
- Измазал простыню кашками. Простите. Ну всю как есть...
- Факт несомненный.
- Просто-таки отравы, а не ребенок.
- Между прочим, в наличии также имелись патроны самодельного изготовления. С круглыми, надпиленными по двум плоскостям пулями. Так называемые «дум-дум», разделяющиеся при попадании в цель.
- Нам никому и в голову не могло прийти.
- Но в данном случае, как я сказал, была употреблена именно «нулёвочка».
- Подсовывал под одеяло, а когда дедушка ворочался во сне, то всё, конечно, размазывалось ужасно.
- Или, как ее еще иногда называют, – «бекасиная»...
- Больной, беспомощный дедушка, который души в нем не чаял.
- Выстрел произведен с расстояния приблизительно пяти шагов. От головы, можете себе представить, практически ничего не осталось.
- Я об него, негодяя, всю руку отбила.
- И, наконец, учитывая, что в комнате они находились только вдвоем... Понимаете, что это значит?
- Он, конечно, даже не заплакал.
- Таким образом...
- Мы решили поискать хорошего детского специалиста.
- Таким образом, Ольга Алексеевна, ваш муж...
- Не понимаю. Мой муж? При чем здесь мой муж?..

Что может пригрезиться мороженой камбале, оттаивающей на кухонном столе? Что отразится сквозь сонную муть в выпученных на хребте глазках, когда теплый воздух заставит их влажно заблестеть?

Кое-что я знал. Елозя коленками по белой пластиковой табуретке и упершись локтями в стол, я навел толстенные дедовы очки, зажав их в руках, как бы в штативе, на исследуемый, характерно припахивающий рыбьим жиром объект, увеличивая его тайную суть до тех пор, пока последняя, расплываясь по периферии, не начала терять всякую резкость.

Я ждал, когда на пупырчатой, в мелкую красно-синюю клетку клеенке замигают случайные огни неизвестного мне Моря, когда потянутся из просторного морского разлива тончайшие нити и голубые волны, как хрупкие стеклянные шары, бесчисленно нанизываясь на эти нити, покатаются, чтобы лопаться с тихим хрустом у желтого берега.

Воспоминание давно отловленной камбалы. Благодаря ему, она вновь заскользила в черной жути морской пучины между мачтами потопших судов, едва коснувшись прозрачным плавником корабельных колоколов, опутанных склизкими водорослями, и те сразу отозвались едва различимым печальным гулом. В тот же миг встрепенулись и пошли гулять косяками подружки-сельди, защелкал нервно твердой клешней по яркой цепи товарищ-краб, сладко застонали раскорячившиеся актинии, раскрыли зонтики медузы, и морские раковины, еще не превращенные в лакированные пепельницы, прочистили горла и затрубили фальшиво.

В рыбном магазине, настойчиво продираясь сквозь спины к прилавку, дедушка Алексей Дмитриевич Лаврентьев в качестве достойного ответа молча совал в нос каждому хаму-оппоненту свою ветеранскую книжечку...

Но мы давно уже были в пути. Жарким июльским днем наш «москвичек» легко бежал по свежезаасфальтированному шоссе. Мелкие зерна гравия упруго отстреливались из-под колес в стороны.

– Ну вот, Генза, – вдруг сказал мне отец со вздохом облегчения, – наконец мы с тобой вырвались!

Устроившись на заднем сиденье, я наблюдал, как по его плечу прыгает муха с тремя ногами и одним крылом.

После камбалы непременно должен быть отмечен участковый Бирюков тихий, вежливый, но исключительно настойчивый. Он появился у нас дома с не праздной целью – прозондировать атмосферу и поближе познакомиться с Сергеем Николаевичем, моим отцом. Он имел на то причины.

– Сами понимаете, прежде чем сделать какие-либо выводы, мы обязаны разобраться, – объяснил он.

Ему, надо полагать, было очень приятно детально разглядывать – хотя бы и по долгу службы – мою красивую маму – в легком домашнем халатике и шлепанцах на босу ногу.

Я сидел за столом. Остатки рыбы под маринадом, салат и кусок холода мама аккуратно разложила на тарелке и поставила передо мной. Было сказано: я не выйду из-за стола, пока всё это не смолочу.

– И не испытывай мое терпение, – предупредила мама.

– Уэ-э-э, – издал я в ответ дурным голосом.

Еще со вчерашнего дня, словно после праздника, еды оставалось – полный холодильник. Но в том-то и дело, что есть мне не хотелось. Что за праздник был вчера?..

Вдруг я вспомнил про часы. У деда ведь были карманные часы – такие большие, серебряные и с музыкой. Они четко наигрывали: «Трим-трим-пам-па!» Их судьба была мне не безразлична.

– А часы дедушка взял с собой на кладбище? – поинтересоваться я.

– Не выдумывай ерунду! – вздрогнув, крикнула мама

– Трим-трим-пам-па!

– Ты будешь есть или нет, зараза ты такая!

– Трим-трим-пам-па! Лимонада хочу!

Я поковырял вилкой. Мама побледнела. Мама ясно представила себе: а что если в самом деле – как раз сейчас под тяжелым навалом еще не улежавшейся земли дедовы музыкальные часы четко наигрывают свое неизменное «трим-трим-пам-па»?

Несколько секунд мама стояла в оцепенении, как бы прислушиваясь. Потом пустилась в лихорадочные поиски.

То в одной, то в Другой комнате мама выдвигала и перерывала ящики в шкафах, искала в одежде, на трюмо, возвращалась на кухню, искала даже на полках с посудой. Потом снова спешила в комнаты – перерывала те же ящики.

Участковый же Бирюков, задумчиво склонив голову в фуражке набок, скромно пристроился в малом пространстве между вешалкой и холодильником и продолжал анализировать:

– Я воздержусь пока что от категоричных утверждений, Ольга Алексеевна.

– Я с ума сойду! Меня в сумасшедший дом увезут! – стонала мама.

– Однако, учитывая сложность ситуации, я хочу, чтобы вы меня правильно поняли.

– Да я и живу в сумасшедшем доме! Да! Вот ведь совсем недавно мы тоже никак не могли найти эти проклятые часы. И что вы думаете? Оказалось, что по рассеянности он сунул их в стакан, где обычно держал свою искусственную челюсть!

– Так вы заявляете, что ваш муж находится в отпуске?

– Они поехали с сыном на машине... Но сейчас и в стакане часов нет...

– Очень, очень несвоевременно. Это можно истолковать... Значит, с этим вот мальчиком?

– С ним...

– Лимонада дайте!

– В положении вашего мужа не следовало бы уезжать... А мальчик хороший. Хорошо пережевывает.

– Здесь я смотрела?

– Целых три раза... А вот, например, в этом чемодане еще нет.

– Этот чемодан они взяли с собой в дорогу... Ну, Генза! Ты доел или нет! Генза!

Я оттолкнул от себя тарелку и, притворяясь, начал издавать звуки, как будто меня тошнило.

– Прекрати кривляться! Хотя бы съешь салат!

– Буэ-э-э...

Я так старательно перемешал содержимое тарелки, что оно превратилось в какую-то помойку, и теперь невозможно было разобрать, где салат, а где что.

– Обещаю тебе, – закричала мама, обнаружив мой маневр с перемешиванием, – что теперь ты у меня всё это съешь! Всё!

– Буэ-э-э... буэ-э-э...

– Еще раз попрошу вас, Ольга Алексеевна, припомнить все обстоятельства, имевшие место, прежде чем ваш муж...

Тут мама подошла к запертой двери в туалет и громко постучала.

– Выходи, Сергей! Он опять ничего не ест. Сергей! Ты что – опять там куришь?!

– Я могу курить, где хочу! – зашипел из-за двери отец.

– И еще: нигде нет дедушкиных часов. Слышишь, Сергей?

– А при чем здесь я? При чем?

Участковый Бирюков уже совершенно запрессовался между вешалкой и холодильником и спросил совсем тихо:

– А не заметили ли вы, Ольга Алексеевна, чтобы последнее время ваш муж приносил домой какие-либо служебные бумаги в папке или, скажем, в скоросшивателе? А?

– То есть этот их идиотский «гениальный план»?

– Молчи! – зашипел из-за двери отец. – Молчи!!

Я, конечно, слышал, что мой дядя, младший брат моей мамы, будто бы порядочный иезуит. Но я не знал, что это такое – иезуит.

Выбираясь из Москвы, мы тащились еле-еле, увязая в пробках, дергаясь на светофорах, и я немного задремал. Я открыл глаза, когда мы уже гнали по шоссе за кольцевой.

Птица мерно и сильно взмахивала крепкими каёмчатыми крыльями, но оставалась на одном месте. Ее острый, пестроперый хвост был выправлен строго горизонтально относительно земли. Черные костистые лапки плотно поджаты к дымчатому, шелковистому брюшку. Летящая на расстоянии всего, может быть, полметра, вровень с задним боковым окном нашего «москвича», птица всё не двигалась, но за ней – столбы, деревья, кусты так стремительно про-скакивали мимо, что сливались в одну рябющую полосу.

Пока я разглядывал нашу неожиданную спутницу, та, чуть повода выгнутым тонким клювом, тоже, казалось, косилась на меня любопытным топазовым глазом.

Понятно, что долго я не выдержал и стал осторожно подбираться ближе.

Плавное опустив стекло, я высунул в окно руку, а потом – и голосу. Ветер грубо, словно рукой, схватил меня за волосы. В ушах зашумело, заслепило глаза. Прищурившись, я потянулся еще. Честное слово, крыло птицы легонько щелкнуло по кончикам моих вытянутых пальцев.

– Куда ты лезешь!

Обернувшийся отец рванул меня обратно на сиденье, а моя птица шарахнулась в сторону и пропала.

– Ну, я сказал, я ска-а-зал, что я ду-рак, ду-у-рак, такой глупенький... хи-хи... это ведь я про себя так сказал: дурак, дурачок, дурачочек... – противным вякающим голосом говорил мальчик, кривляясь.

Если бы воскресшая камбала, – словно проницательная субмарина, подняла над солеными водами зоркий перископ, то уловила бы в его просветленные линзы сначала небо с луной, солнцем и всеми звездами, а потом и берег с горами, пляжами, пальмами и абрикосовыми деревьями. Среди пальм и фикусов высятся белоснежные красавцы – курортные корпуса с лоджиями, увитыми виноградом, и скоростными лифтами. Через распахнутые окна номеров-люксов, подоконники которых ласкает тончайший тюль, можно разглядеть изящные кресла-качалки, цветные телевизоры, мрамор, хрустальные колчаны, полные гладиолусов, и неспешно прогуливающих по малиновым коврам в ожидании культурных мероприятий космонавтов и известных футболистов.

«Трим-трим-пам-па!» – дедовы часы.

– Теперь запомни хорошенько: его зовут Роман Романович.

– Опять куда-то заезжать! А когда же путешествовать? Как же море и горы?

– Фу, как ты все-таки у меня некрасиво картавишь! Ну-ка, скажи правильно: Роман Романович.

– Хгоман Хгоманович.»

– Очень некрасиво. Ты что, француз? Ты можешь по-человечески сказать: Роман Романович, ну?

– Ну Хгоман Хгоманович.

– Они тебя и говорить как следует не могли научить! Прямо стыдно тебя с собой к людям брать. Вот сейчас приедем к такому человеку, как наш Роман Романович, а ты вместо того, чтобы воспитанно и по-взрослому сказать: «Здравствуйте, Роман Романович!», начнешь так противно картавить. Кому это будет приятно?

– Но ты обещал, что мы путешествовать едем! Ты обещал!

– Мы и едем.

– Да-а, едем!..

– Только заглянем по пути к Роману Романовичу. Ну, скажи нормально: Роман Романович.

– Ну мне надоело!

– Роман Романович!

– Я устал, я спать хочу!

– Роман Романович!

– Я спать хочу, я вижу тебя во сне... Ро-ман...

Заходящее солнце уже скашивало верхушки елей, когда наш «москвичек» подкатил к даче Роман Романовича, шефа, – огороженной сплошным дощатым забором. Отец вылез из машины и нажал кнопку звонка у калитки в воротах. Через некоторое время калитка со щелчком отворилась. Мне было сказано не вылезать пока. Отец зашел внутрь и, отперев ворота, вернулся и загнал машину во двор. Я тут же выскочил из машины и закричал: «Гриб нашел! Вон гриб!» Но отец взял меня за руку и потащил к дому по дорожке, по обе стороны которой торчали ряды стрел – гладиолусов. Я успел отломить один наконечник и попробовал приставить отцу в виде хвоста, но отец заругался и отшвырнул хвост подальше. Мы вошли в дом. В доме жили мыши.

Мы быстро прошли по полутемным комнатам – опущенные соломенные шторы почти не пропускали света – поднялись по крутой лестнице на второй этаж и сразу оказались в кабинете Роман Романовича.

Сам с утомленным видом сидел за огромным письменным столом», на котором кроме капитального письменного прибора с латунными медведями и мужиками было набросано множество скомканных бумаг и обрывков. Стопками лежали газеты и листки, соединенные скрепками. На полу тоже валялся мусор. По ночам, возможно, в нем-то и копошились мыши.

– Давай, давай, – сказал Роман Романович отцу, – проходи!

Отец сделал несколько шажков. (Даже странно: длинный, а шажки маленькие.)

– Как здоровье, Роман Романович? – сказал он для начала и тут же умолк, заметив, что Роман Романович вдруг почему-то очень рассердился на эти обыкновенные слова, даже вскочил с места и, возмущений отплевываясь, стал бегать между столом и отцом. Он был в пижаме.

– Что?! «Как здоровье»?! – кричал он. – Пока я на посту, я не имею права болеть! Слышите? Я не имею времени болеть! Я здоров, здоров и здоров. Я работаю, я тружусь! А пока я тружусь, для меня не существует ни здоровья, ни болезней! Так и знайте!

Он так разволновался, что даже вспотел и покраснел.

– Я понимаю! – с готовностью закивал отец.

– Для меня не существует в жизни ничего, кроме работы и краткого восстановительного сна!

– Да, да.

– Только работа и сон!

В подтверждение своих слов Роман Романович указал сначала на письменный стол, заваленный бумагами, а потом на кожаный диван со скомканным постельным бельем. Кроме стола, за которым он трудился, и дивана, на котором кратковременно отдыхал, в комнате не было никакой другой мебели. Рядом с диваном в стену был вбит гвоздь, на котором висели плечики с костюмом, галстуком и рубашкой. На полу стояли ботинки. Сам, как было сказано, бегал в пижаме.

– Я живу, как отшельник, как аскет! Только работа и сон!

– Понимаю.

– И меня никто не может упрекнуть! Я докажу! Я – не болен! Роман Романович стал рыться в бумагах. Он бормотал что-то и

одновременно дрыгал правой ногой, нашаривая на полу слетевшую в бегодные комнатную туфлю.

– Я докажу, я не боле-е... – начал было я, но отец быстро вытолкнул меня из комнаты, проводил обратно до крыльца и сказал, чтобы я погулял в саду.

– Но ничего не трогать! Ничего не рвать! Никуда не лазить! – добавил он и погрозил мне желтым, прокуренным пальцем с черной каймой под ногтем.

С сорванным грибом в руке мальчик шел вдоль забора, а за забором слышались хриплое рычание и бряцание цепи. Только около угла, где забор поворачивал, обнаружилась наконец щель, в которую мальчик и разглядел злобную соседскую и всклокоченную зверюгу, лязгающую золотыми зубами, словно перемалывающую кусок закатного солнца.

– Ты, Сережа, мне всегда нравился. Ты мужик надежный. Сколько ты у меня работаешь, лет пятнадцать будет?

– Ровно пятнадцать, Роман Романович.

– Хорошо... Повидали мы с тобой, а?

– Да, было.

– Ну, у тебя на меня обид ведь нет? Не тормозил я тебя? Подрос ты у меня?... Инженером на сто пять рублей пришел, а? Помнишь, я обещал вам, что выведу в люди и... выведу! Всех вас выведу! А до тех пор не уйду... Вот и Боря Павлов – тоже мой выкормыш... Вы с ним друзья и ровесники?

– Он на два года моложе, Роман Романович.

– Умный, толковый парень... Копают под меня? Копают... Борис Андреевич Павлов... Ты, кстати, в курсе?

– Я, это самое, Роман Романович, приехал сразу, как вы приказали.

– Хорошо... Вообще, многие – я вижу! – норовят вокруг меня подкопать. Но мне на это внимания некогда обращать: я работаю. И других работать заставляю... Что, говорят, я на пенсию собрался? Брехня. Слухи беспочвенные. Но работать мешают, делу вредят. Я вчера на парткоме так и заявил: «Пресеките, товарищи, эти разговоры! Я буду работать столько, сколько нужно. Прекратите сплетни распускать!»

– Нужно – значит, нужно.

– А мы их еще всех удивим. Как ты считаешь, Сергей Николаевич?

– Какой разговор!

– А ты, откуда ты можешь знать? А?

– Так, это самое, как вы скажете...

– Ладно... Ну-ка, теперь двигайся поближе!.. Вот – смотри. Вот – труд... Ну-ка, читай заглавие!

– «Глобальный План...»

– То-то: «глобальный»! Это я по самой сути! Это без лирики. С лирикой как-нибудь потом, без меня разберутся. Это потом за головы схватятся: «уникальный, выдающийся, гениальный»... Но черт с ними... Работать надо!

Камбала оттаивала, текла, расслабленно чернела. Воспоминания, словно клочки облаков в высоком небе, то рисовались отчетливее, то бледнели и вовсе истачивались.

Работа и сон. Ничего кроме.

Я нашел другую калитку. В дальнем конце огромного сада, на противоположной от ворот стороне. Мне почему-то сразу захотелось попасть через нее наружу. Не знаю, может быть, потому, что за забором с той стороны не было видно ни деревьев, ни домов. Казалось, что там как-то по-особенному просторно и светло: так, как будто там вообще ничего, кроме неба, не было. Но как такое могло быть?..

Дверь не отпиралась, сколько я ни крутил замок, сколько ни дергал за ручку. Расстроившись, я даже несколько раз пнул ее ногой. Я обследовал весь забор, но на этот раз не нашел в нем даже самой маленькой щели: доски были сбиты на удивление плотно.

Тогда я решил / перелезть через забор. Цепляясь за столб и горизонтальный брус, я подтянулся и хотел ухватиться за верхний край забора, но что-то больно уколола меня в ладонь, и я тут же соскочил на землю. На ладони появилась царапина. Я прилепил к царапине послонявленный листок подорожника. Потом еще раз подтянулся за брус и выяснил, что по всему забору к торцу досок приделана проволока, густо унизанная острыми шипами.

Оглядевшись вокруг, я сообразил, что, если взобраться на одну из яблонь, то с нее можно будет увидеть, имеется ли все-таки за забором что-либо, кроме неба, и если да, то – что именно.

Я вскарабкался на первую ветку, и прямо перед моим носом закачался красный, блестящий, словно лакированный, плод, который был тут же мной сорван и спрятан за пазуху под футболку. За забором по-прежнему ничего, кроме неба, видно не было: я поднялся еще недостаточно высоко. Когда я взобрался на вторую ветку, передо мной закачалось плодов числом с десятков, но за забором опять виднелось одно лишь небо. Третья ветка, как только я начал подтягиваться за нее, хрустнула, как будто переломили кусок рафинада, и бессильно повисла, осыпав вниз несколько яблок, глухо отбарабанивших по земле. Я быстренько замаскировал сломанную ветку среди других, чтобы снизу ее было не очень заметно, и, спустившись, собрал опавшие яблоки.

Ретировавшись с места преступления, я вытер о штаны одно яблоко и стал есть. Я подошел, посмотрел еще раз в щель на злобную, золотозубую зверюгу. Потом швырнул ей навесом через забор огрызок. Зверюга залаяла и стала рваться, как бешеная. Я хотел было еще немного ее подразнить, но передумал и вернулся к загадочной калитке.

Я решил провести простой опыт. Отойдя на несколько шагов от забора, я достал яблоко и бросил его за забор.

Я ждал, но не было слышно, что яблоко упало. Я вытащил еще одно. Вдруг с той стороны послышался смачный хруст откусываемого яблока, и некто с набитым ртом произнес задумчиво:

– Вполне очаровательный анис...

Дедовых часов я не трогал.

Роман Романович отгреб с письменного стола все бумаги, и на середине стола осталась лежать только та самая, не толстая – в палец толщиной – папка-скоросшиватель. Сам сидел,

откинувшись в кресло, положив сжатые кулаки по обе стороны папки. Он увлеченно заговорил, и его блестящие глаза, странно выделявшиеся на старческом, в мелких морщинах и лиловых пятнах лице, были устремлены куда-то поверх головы отца, который присел на диван и сосредоточенно вникал в захватывающие соображения своего шефа. А соображения эти были таковы.

– Лично мне, как ты понимаешь, все равно, – говорил Роман Романович чуть-чуть ворчливо, – одним орденом больше, одним меньше. Теперь я мог бы вообще уйти... Но я не уйду. И они не застанут меня врасплох. Мне плевать на все почести. Я просто не допущу, чтобы, когда главное дело сделано, всё испоганили дураки. Пусть даже не дураки... Хорошо, я еще не сошел с ума. В принципе я не стал бы возражать против назначения на мое место Бори Павлова, но только я хочу сделать это сам и тогда, когда сочту нужным. Свет клином не сошелся на Боре... Я назначу тебя!.. Теперь любой может занять мое место. Честное слово, я назначу тебя, Сергей Николаевич. Не смущайся ты, не смущайся. Я тебя всему научу. Достаточно открыть эту папку. Вот в чем соль. Здесь сосредоточена вся сила мира. Мы можем добиться любых перемен! Мы – хозяева положения, командиры жизни!.. Они думали, что я разменяюсь на интриги, на мелочи, а я раскусил их раньше, чем они успели подумать! Кишка тонка! Пока они в мечтах глотали слюнки, я просчитал все вперед на сто, на тысячу ходов. Я людей насквозь вижу... И главное – я разгадал, как вся машина работает! Мой гениальный план решает все проблемы. Мне удалось учесть все связи. Я великий человек, может быть. Но теперь каждый может стать великим!.. Я научу тебя всем этим премудростям... Вот... Плюю на палец, переворачиваю страницы, секрет в том, чтобы подобрать ключик к так называемому человеческому фактору. Идеальная организация – результат! Остается только в нужном месте подтолкнуть и – тик-так! – механизм приведен в действие. Начнем мы, конечно, с нашей фирмы. Страница номер восемь: «краткая суть общей части». Слова для болтунов абстракция. Для нас они – материал, горячее, энергия! При помощи строго подобранных и строго дозированных слов можно ввертываться, вгрызаться в жизнь. Нам даже достаточно пустить одно как катализатор – и всё вокруг закипит, забулькает!..

– Какое слово? – зачарованно спросил Сергей Николаевич.

– Неважно! – воскликнул Роман Романович. – Стоит только пошевелить кончиком языка, невнятно прошептать кое-что сквозь зубы, и окажется, что даже время можно повернуть вспять! Страница номер девять! Нам остается лишь за ниточки дергать, мы управляем процессом...

Тут Роман Романович вскочил и, схватив папку, громко хлопнул ею по столу.

– Бабах!.. Я управляю процессом! Слово – пуля. А я – ружье с взведенными курками. И я уже провел к цели единственную линию!..

– Дяденька!

– М-м... вполне...

– Дяденька, а что там – с той стороны?

– Гм... А тебя как зовут?

– Генза... Ну, что там?

– А как твоя фамилия?

– Ну, дяденька, там есть что-нибудь, а?

– Здесь? Нет, ничего нет.

– Дяденька, не обманывайте... А на чем вы тогда стоите?

– Ни на чем.

– Ни на чем стоять нельзя!

– Как нельзя? Я-то стою!

– Да... А хотите еще яблоко? А, дяденька?

– Валяй!

– Ловите!

- Вполне очаровательный ранет!
- Но я же вам еще ничего не бросил!
- Что же ты, Генза-мальчик, такой жадный?
- Но я же бросил!
- Я и говорю: вполне очаровательный...

Мальчик гулял в саду.

Уже часа два, устроившись на веранде при распахнутых окнах, пили и закусывали Роман Романович, отец и сосед, владелец соседней дачи – человек с виду солидный, но с маленькими алчными глазками, висящими, казалось, прямо на носу. Я бесшумно скинул с плеча ружье и затаился.

– Я думаю, Роман Романович, – говорил неторопливо этот сосед, постукивая по краю стола волосатым пальцем с массивной золотой печаткой, – что супостаты просто потешаются над нашей тупостью и ограниченностью. Ясно, система себя изжила. Давно изжила. Кокетничает перед самими собой, лицемерит, а все равно во всем в конце концов тянемся за Западом, смотрим только на Запад. Болото. Вокруг серость, бездарность, все сыты, обуты и – зудят, зудят. И совершенно с вами согласен – работать не хотят. Нужна, следовательно, такая небольшая – только для поднятия общего тона – безработица. Это очевидно.

– Нет, дружище, – отвечал Роман Романович, – я вижу, вы, Давид, разочаровались в политэкономии. Я возьму вас к себе. У нас скоро будет, где развернуться. Надоест же вам когда-нибудь ваша несчастная мебель.

– Мебель, конечно, изделие легкомысленное в сравнении с делами вашей фирмы, – согласился Давид. – Но и у нас есть свои секреты. Больше по мелочам, но зато есть место для творчества. Опять же относительно, конечно. Сэрвис – штука капризная, а ее втискивают в такие рамки, что стой руки по швам. Справедливость. Л в итоге – круглый ноль!

– Я вообще очень Давидом восхищаюсь, – чистосердечно признался отец. – Всегда так тонко во всем разбирается. Всегда такой деловой, обстоятельный...

– О, Давид, он у нас философ и дипломат, – сказал Роман Романович. – Есть задатки. Мы его, однако, заманим к нам перспективой.

– Какие нынче перспективы! – скромно, но веско заметил Давид. – Нет перспектив и быть не может... Но ведь я, в сущности, и так всего достиг... Стать большим начальником? Перестать принадлежать самому себе? Потерять индивидуальность? Стать таким твердокаменным тираном? Я знаю, куда ведет эта дорога.

– Я согласен, – сказал отец.

– А мебель? – спросил Роман Романович.

– Это тоже грустная тема, – ответил Давид. – Мебельная промышленность в наших условиях – это нонсенс, потому что мебель – это, прежде всего индивидуальность. А индивидуальность чахнет, когда ей предоставляют условия для всестороннего развития. Ей нужна борьба, нужна оппозиция... Я за то, чтобы не решать все вопросы единогласно. Если я делаю шкафы, то дайте мне право вложить в них всю душу... и получить свои деньги... Иначе, извините, шкафы по-прежнему будут разваливаться.

– Давид, – начал Роман Романович, – те деньги, которые моя супруга...

– Не беспокойтесь, – успокоил его Давид и продолжал прерванную мысль: – Я иногда думаю, Роман Романович, что вторая, положим, партия не ущемила бы нашей демократии...

– Давид всегда так себя держит, одет прекрасно, – бормотал отец, – галстук, идеальный костюм...

– А у меня к вам есть маленькое дело, – обратился Давид к Роману Романовичу.

– Слушаю вас.

– Хочу я на свою «волжанку» поставить никелированные глушитель и бензобак. Говорят, в практическом отношении весьма рациональные вещи.

– Совершенно верно.

– Значит, рекомендуете?

– Конечно. Кстати, вот Сергей Николаевич в этом деле у нас незаменимый человек. Золотые руки. Задумал на нашей фирме яхт-клуб организовать. Ведает материалами. Из моей машины конфетку сделал... Как, Сергей Николаевич, можно помочь Давиду?

– Необходимо, – ответил отец.

– Мы с вами договоримся, – сказал ему Давид, наполняя рюмки.

– Не стоит! – краснея, загорячился отец. – Мелочи!.. А... а в практическом отношении сделаем вам даже из спецстали.

– В космос на своей «волжанке» полетишь, Давид! – вставил Роман Романович.

Все трое рассмеялись, а потом опять выпили.

Я понял, что сегодня мы с отцом уже никуда не поедem. Солнце садилось. Они начали вылезать из-за стола. Я спрятался за лестницей около входа на веранду и держал ружье наготове.

– Попадается, знаете ли, Сергей Николаевич, мебель, – деловито говорил отцу Давид, – прямо музейные образцы...

– А то еще, – не унимался отец, – можно, это самбе, особую обработку поверхности произвести, я, знаете ли, и Роману Романовичу и себе динце таким способом...

Он держал Давида под руку и старался подделаться под его деловой тон. Я прицелился и пробил отцу в голове дырку. Потом по дырке в голове Давиду и Роману Романовичу.

Отец отделился от Давида и направился прямо ко мне, покачиваясь и тяжело отдуваясь. Он протянул длинную руку и крепко взял меня за плечо.

– Сынок, – сказал он, – ты должен научиться себя вести. Это главное. Это жизнь. Прошу тебя, послушай папу. Мы с тобой... Долгое, долгое путешествие... Прошу тебя, скажи: «Рраааа!»! А? Любишь папу?

– Джж! Джж!.. Труп!

Я вырвался от него и, отстреливаясь, побежал на крыльцо.

К счастью, был найден уникальный специалист доктор Копсевич.

– Ну, пойдем, поплескаемся на зорьке! – сказал Давид и, сняв пиджак, аккуратно сложил его и перебросил через руку.

– Да, – согласился Роман Романович, – пойдем...

И все трое отправились через сад прямо к заветной калитке. Я побежал впереди: мне не терпелось попасть наружу.

Вдруг Роман Романович остановился около яблони, недовольно покачал головой и, потянувшись, вытащил сломанную мной ветку. Углядел-таки. Еще раз покачал головой и, нахмутив седые брови, сказал мне:

– Нехорошо, мальчик. Так твой папа никогда не дождетсЯ у меня повышения.

– Пустое, – засмеялся Давид.

– Нет, не пустое, – возмутился Роман Романович. – Такая была ветища! Плодоносящая!

Отец так потерялся, что даже забыл сделать мне страшные глаза.

– Подарите ее мне, – предложил Давид, – или продайте, например...

– А вам она теперь зачем? – недоверчиво спросил Роман Романович.

– А я ее вот так, вместе с яблоками, отвезу в Москву и преподнесу какой-нибудь подруге.

– Нет уж, из меня еще тоже песок не сыплется, – сказал Роман Романович, приосанившись. – Лучше я сам какой-нибудь преподнесу, а у вас для этого свои яблони есть. Пустите на них этого мальчишку.

Они засмеялись, и отец засмеялся тоже.

– Ну, открывайте же калитку! – поторопил я их.

Мы оказались на берегу реки. Я был в восторге. Река! Вот ведь что необыкновенное скрывалось за забором!

Вода плескалась всего в нескольких шагах за узкой тропинкой, шедшей вдоль берега. Я взбежал на длинные, узкие мостки купальни, сооруженной из гладких, прекрасно оструганных досок, и, пройдя по ним, остановился у шаткого края. Осмотрелся.

Река была широкая. Огненная полоса от закатного солнца пересекала ее поперек и только в одном месте прерывалась вытянутой песчаной отмелью с прижившимися на ней кустиками. Отмель походила на выступивший из воды хребет громадной рыбыны.

Далеко на противоположном, низком берегу реки среди просторных синеватых полей торчал, словно двуперстье, заброшенный храмик с растрепанным дырявым куполом.

Я присел на корточки и стал плескать теплой водой на проплывающего около мостков сонного клопа-водомера, который, восторгнувшись, стремительно проскакал по поверхности воды, как по тонкой пленке, и на безопасном расстоянии снова замер, как будто уснул. Надо было запустить в него чем-нибудь.

Вдруг солнце скользнуло за горизонт словно новый пятак в щель турникета метро, и река сразу почернела.

Отец уже вылез из воды и стоял на берегу мокрый, в широких цветастых трусах, с сигаретой в зубах. Заглаживал ладонью назад мокрые реденькие волосы. Оттянул и щелкнул резинкой по вялому животику. Роман Романович и Давид еще купались. Роман Романович стоял по грудь в воде и разгребал перед собой руками. Давид же то ложился на спину, то переворачивался и шумно выдыхал в воду. Оба, очевидно, испытывали чрезвычайное удовольствие. Я сидел на мостках и бултыхал в воде ногами.

Неизвестно откуда и когда появился еще один купальщик. Некто гладкий и розовый, как мыло, и удивительно толстозадый. Он жизнерадостно резвился между Романом Романовичем и Давидом, а мне подмигивал, как старому знакомому.

– А хороша водичка! – шептал он с упоением в тон общему настроению. – Вполне очаровательная!.. – И нырял, ловко ударяя пятками одна об другую. – Всё остальное – пропади оно пропадом, – продолжал шептать он, выныривая около Романа Романовича, – прямо-таки заболеть или сойти с ума можно, как вы полагаете? – И снова исчезал под водой.

– Рай! Рай! – нашептывал он, оказываясь около Давида. – Блаженство в высшей фазе!.. Но что обидно – какой-нибудь пустяк, случай – ничтожество, завистник, серая бездарность нацарапает на досуге анонимку о сложной сущности наших доходов, и это как будто еще не беда, – а беда, когда эта галиматья попадет не куда-нибудь, а как раз в неподкупные и суровые руки гегемона-пролетариата, и тук-тук, и – увы нам... – И снова нырял, и весело бил пяткой о пятку. Человек-мыло.

Роман Романович и Давид вышли на берег утомленные, закурили и стояли рядом с отцом погрузневшие, смотрели, как выстилается по реке туман.

Наступил урочный час...

Что значит «навсегда»? Это слово не имело для меня никакого смысла. Я был почему-то уверен, что в нашем долгом путешествии мы обязательно должны встретить деда.

Когда мы выехали из дома, день был жаркий, и я, конечно, уже успел забыть, что еще три дня назад лили бесконечные дожди. А сейчас даже при открытых ветровиках в машине было очень душно. На проспекте отец опустил солнцезащитные жалюзи. Он следил за дорогой, и всё молчал, а я думал о том, где мы должны встретиться с дедом. С тех пор, как мы выехали, отец молчал и молчал, но вот вдруг сказал:

– Ну, Генза, наконец мы с тобой вырвались! – И с облегчением вздохнул.

Мне показалось, что он даже улыбнулся.

– В какой город эта дорога? – спросил я.

– Как – в какой?.. Она идет, вообще, через многие города.

– Ну, вот в какой мы первый приедем?

– Гм... Калугу, например, будем проезжать...

– Калугу... Я задумался.

– Ка... луга... калу... гака... луг... акал... уга... кал...

– Что ты там бормочешь? – строго спросил отец.

«Кал!» – чуть было не сорвалось у меня с языка от радости по поводу такого неожиданного открытия, но я тут же прикусил язык. Связанное с этим воспоминание было не из приятных.

Одно время это слово было новым и очень популярным у них во дворе. Оно склонялось во всех падежах и пробовалось во всевозможных словосочетаниях. Ребята сидели за гаражами и рыдали от смеха. Кирик Милованцев, лучший друг, уже не мог ничего говорить и только икал. Едва припадок утихал, как Генза, захлебываясь, спешил выговорить что-нибудь вроде: «Посторожите мой кал, пожалуйста, пока я за другим сбегая!..» И припадок возобновлялся с новой силой.

Поводом для таких импровизаций послужил рассказ Кирика о том, как он ходил с мамой утром сдавать анализы и как мама поругалась с медсестрой, которая кричала на всю поликлинику: «Ничего не знаю, сегодня кал не принимаем, приносите завтра!»

Так друзья изошрялись, как вдруг появился Сергей Николаевич. Генза встал, продолжая смеяться, а отец залепил ему такую пощечину, что мальчик едва удержался на ногах. «Негодяй невоспитанный!» Генза, заплакал, а отец потащил его домой. «Полюбуйся на него! – сказал он жене вне себя от возмущения. – Повтори, как ты ругался, какое слово говорил!» – приказал он сыну. «Боже мой, – всплеснула руками бабушка, – он его избил!» – Ты себе не представляешь, как он выражался!» – торопливо объяснял Сергей Николаевич жене, не обращая внимания на бабушкины возгласы. «Гензочка, мальчик мой маленький, иди скорей сюда! – позвал дедушка, а Сергею Николаевичу возмущенно бросил: – Всему, наконец, есть предел, я этого так не оставляю!» – «Он выражался...» – бормотал жене Сергей Николаевич. Генза осторожно трогал пальцами разбитую, опухающую губу. Вся щека горела. Вообще-то, он чувствовал, что понес заслуженную, хотя и жестокую кару. «Псих! Садист! Идиот несчастный!» – вдруг набросилась на мужа Ольга Алексеевна. «Некультурный, неразвитый человек! – восклицала бабушка. – Это же совершенно приличное медицинское слово! Это же научный термин!» Тут Сергей Николаевич не выдержал и выскочил вон из квартиры. «Это тебе даром не пройдет!» – грозно прошамкал дедушка вслед.

Они еще долго ругали его, а мальчика утешали. Тогда же бабушка в сердцах произнесла загадочную фразу, на которую мальчик обратил внимание. «Кабы знал еще, что не на своего руку поднял!..» – проворчала бабушка. «Господи, как я устала!» – застонала Ольга Алексеевна.

Эх, камбала!..

Губа давно зажила. Отец меня больше не трогал, но я-то, значит, все-таки помнил и, должно быть, его побаивался.

– Дедушка сейчас тоже в Калуге, лимонад пьет... – задумчиво сказал я.

– Что такое? – не понял отец.

– Ну, дедушка, он, может быть, заехал за лимонадом в Калугу эту, и мы там его встретим...

– Не болтай ерунду! Я же сказал тебе, что он умер. – Ну, умер, да... а теперь в Калугу приехал.

– Какой еще «приехал»! – раздражился отец. – Умер он, понимаешь, умер! – Напоминание о домашних делах всегда вызывало у него раздражение.

– Мне бабушка и мама говорили, что дедушка уехал. Далеко, – неуверенно возразил я. – Может, он там поездил, а потом решил в Калугу тоже, по пути...

– Это всё сказки, понимаешь?

– Понимаю...

– Ничего ты не понимаешь, – отец начал злиться. – Забили тебе голову какой-то ерундой! «Поездил где-то там»! Наплели! Бабы выдумки!.. Ну теперь всё, конец!..

Я отловил муху, взял ее за крылья и, подумав, оторвал ей сначала одну лапку, а потом еще две. Сознания она не потеряла.

– Самочувствие хорошее, – констатировал я про себя. Некоторое время отец хмурился.

– Так, – сказал он, что-то решив про себя, и круто развернул машину. – Сейчас мы, это самое... Сейчас мы сгоняем туда – крюк небольшой, – и ты сам увидишь... Я тебе всё покажу.

С одним крылом муха летать не может.

– У нас будет настоящее познавательное путешествие! – сказал мне отец. Он не замечал усеченную муху, которая вот-вот должна была провалиться ему за воротник.

Послышался громкий шум. Я выглянул в окно. Над нами прострекотал на вертолете участковый Бирюков.

Оказывается, мы всё еще тащились по кольцевой дороге.

Слева от отца на свободном сиденье лежала папка с нашим Гениальным Планом. Наше будущее было обеспечено. Так говорил отец. Он отломил от буханки хлеба большой ломоть и жевал прямо за рулем. Я устал ехать. Солнце перебралось за спину, и заднее окно превратилось в прожигательное стекло. Мы пили теплый лимонад из одной бутылки. У меня побаливала голова. Прямо через спинку кресла я перебрался к отцу на переднее сиденье. Он убрал папку с Планом назад. Он пообещал, что скоро мы сделаем, привал.

Но мы проезжали много прекрасных мест, где стоило бы остановиться, и... не останавливались. У отца были свои соображения. Вот остались позади заманчивые пригорки в чистом и высоком сосновом бору, промелькнули заросшие мягкой травкой поляны в прохладной тени густого кустарника, уплыла в сторону голубая ртуть водоема... Наконец отец сбросил скорость и свернул на узкое шоссе, по обеим сторонам которого потянулся скучный забор из рифленых железобетонных плит.

– Приехали, – сказал он. – Вылезай!

Ничего хорошего. Небольшая автостоянка. Несколько машин. Железные ворота с будкой. Старухи в черных платках, торгующие цветами, венками и рассадой. Совершенно ничего хорошего.

Отец запер машину.

– Ну, заехали, – сказал я, – тут и реки-то нет!

Но мы пошли прямо через ворота. Жирная бабка с красным носом совала отцу два вялых гладиолуса.

– Нет-нет, нам не надо! – сказал отец, торопясь пройти.

– С пустыми руками? – удивилась бабка. – Как же? Возьми! Свежие, сегодня срезала. Мальчоночка и возложит. И хорошо будет, как хорошо!

Настырная бабка начала совать цветы мне в руки, отвратно дышала в лицо и, косясь на отца, торопливо повторяла:

– А дайте сколько не жалко! Сколько не жалко дайте!..

– Не за этим мы, – хмуро отрезал отец. – По делу.

Я почувствовал, что нас разглядывают со всех сторон. Я не сразу понял, что это из-за оградок на нас глядят фотографии. Отец вел меня за руку.

– А вон конфеты, конфеты! – обрадовался я и попытался вырвать руку. – Чур, мои! Я первый увидел!

– Тсс! Не ори! – одернул меня отец. – Здесь не шумят! – И потащил меня дальше по аллее.

– А конфеты?

– Нельзя.

– Почему?

– Потому,

– Почему?

– Они плохие.

– Нет, хорошие.

– Не ори, я сказал. Это чужие конфеты.

– Нет, ничьи. Просто на камне лежат. Я их нашел!

– Не для тебя их положили.

– А для кого? Там никого не было!

– Замолчи!

С отцом трудно было спорить. Конфеты в синих фантиках...

Мы прошли мимо людей, столпившихся кружком, в центре которого что-то происходило. Кто-то ныл или плакал, как будто хотел кого-то разжалобить или выклянчить что-то, – плакал так, что мне сразу захотелось передразнить.

Я бы так и сделал, но меня отвлекло другое.

– Дедушка! А вот дедушка! – воскликнул я и стал дергать отца за руку.

Дед Алексей Дмитриевич, не слишком, правда, похожий на себя, так как был гораздо моложе, чем на самом деле, напыжившись, глядел на нас с фотографии в черной рамке, помещенной между цветами на куче земли.

– Эх ты, «Калуга»! – усмехнулся отец. – Ну что – понял теперь?

– А зачем он здесь свою фотографию оставил? – спросил я. – На память?

– Какую ерунду ты всё время мелешь!.. Слушай меня внимательно. Я тебе сейчас всё объясню.

Отец достал сигарету и чиркнул спичкой. Мне нравилось смотреть, как, задрав подбородок, он глубоко затягивается и как огонек на кончике его сигареты красиво и ярко вспыхивает. Мне хотелось научиться также.

Отец объяснял:

– Значит, так. Человек умирает, его кладут в гроб, относят сюда на кладбище, закапывают в землю... И всё. Понял?

– Понял. А дедушка?

– Я же тебе говорю – всех, кто умер, хоронят. И Алексея Дмитриевича, – отец поморщился, – тоже, это самое, закопали вчера.

– А откуда он вылез? Там есть другой ход? Туннель?

– Какой еще туннель?! Он, понимаешь, мертвый совсем... Ну... Помнишь, ты дохлую кошку видел?

– Да.

– Вот и он точно так же там лежит теперь, под землей, пока червяки совсем не съедят... Ну?

Отец потихоньку выходил из себя.

– Л потом? – спросил я.

– Уф-ф!.. – Отец бросил сигарету, вмял ее каблуком в землю и, заговариваясь от раздражения, напустился на меня: – Что потом, что потом!.. Через месяц в школу уже пойдешь, а ничего не соображаешь, что тебе говорят! Двадцатый раз повторяю, ниоткуда и никогда он больше не вылезет. Тут, тут лежит, мертвый значит мертвый. В земле. Червяки. Приползают. Съедают. И всё... Ничего не остается, даже костей. И не вылезет. Никогда.

– Че вы, мужчина, так шумите? – раздался рядом знакомый голос, – Вполне грамотно и даже доступно объясняете. Вполне аргументировано. Только не надо горячиться. Ваша собственная уверенность в сказанном подкреплена жизненным опытом. Мальчик же Генза такого опыта пока не имеет. Предоставьте ему заняться натурными наблюдениями, и он в конце концов сделает правильные выводы. Это будет вполне культурно и педагогично... А в данный момент... – тут человек-мыло или бывший купальщик (а это был именно он) мечтательно усмехнулся. – Даже с эстетической точки зрения полезнее просто – постоять, прислушаться к загадочным звукам этого печального места, и вы, конечно, услышите за шелестом и шорохом листвы, травы и венков, услышите тихое-тихое «тик-так! тик-так! тик-так!», идущее прямо-таки из-под земли! Прекрасные карманные часы! Словно само Время. Точность хода на уровне современных стандартов... Который сейчас час? Несколько секунд до четырех?.. Внимание!..

«Трим-трим-пам-па!» – удивительная музыка.

Наступил урочный час, я в точном соответствии со своим ежедневным распорядком дедушка Алексей Дмитриевич вылез из любимого кресла, чтобы запереться в туалете. В своих отправлениях он был пунктуален до фанатичности, так как где-то вычитал и с тех пор свято в это верил, что такая регулярность гарантирует долголетие.

Мы столкнулись с ним у самой двери, и между нами завязалась молчаливая, но упорная борьба за право первого. Престарелый дедушка хотя и был дряхл и слаб, но имел чрезвычайно крупные габариты и, я подозреваю, несмотря на то, что начал постепенно усыхать, не меньше центнера веса. Используя это свое преимущество, он довольно легко оттер меня от двери, как ни старался я просунуть в нее ногу, и заперся на задвижку. «У, слон китайский!» – проворчал я.

Дедушка деловито покашливал. Устраивался капитально. А обосновавшись с максимальным удобством, замер и стал сосредотачиваться.

Уютно сипел сливной бачок. Как всегда, из правого верхнего угла наяривала виолончель.

Идиллия была разрушена оглушительным стуком в дверь, от которого дедушка едва не соскочил со своего сиденья.

– Кто? Что? – завопил он, хватаясь инстинктивно за дверную ручку. – Занято, занято!

– Дедуля, ты скоро? – поинтересовался я из-за двери.

– Скоро, скоро! – отмахнулся дедушка, очень несвоевременно взбудораженный.

Я немного подождал и опять ударил в дверь, как в большой барабан.

– Сказал же тебе: потерпи чуть-чуть! – раздраженно сказа! дедушка.

– Сказал же тебе, что не могу терпеть! – закричал я и, повернувшись спиной к двери, заколотил в нее для большей убедительности то одной, то другой ногой.

– Открой! – требовал я.

– Сейчас же перестань стучать! – требовал он.

Компромисс между нами был невозможен. Дед еще что-то там кричал, потом убеждал, потом просил, «как взрослого», и даже умолял, но я не реагировал.

Тогда дед решил притвориться, что не обращает на мой сумасшедший стук никакого внимания, и вообще не отвечать, то есть «быть выше». Я скоро это раскусил и тоже решил сменить тактику, тем более что и бабушка, которая лежала в комнате со своей головной болью, уже грозилась прийти разобраться.

Итак, стук прекратился, и дедушка облегченно вздохнул. Но тут же щелкнул выключатель – и свет в туалете погас. А в коридоре раздался топот убегающего: это я спешил на всякий случай отступить.

Поддерживая мешковатые допотопного покроя штаны, дедушка был вынужден подниматься, выходить из туалета и включать свет. Потом, мучаясь одышкой, возвращаться на исходные позиции и устраиваться заново.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.